

Неклюдов С.Ю. Традиция как цепная реакция: «мечта поэта» // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова. ИРЛИ РАН; СПбИИ РАН; Ред.-сост. А. П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб.: Росток, 2016. С. 620–629.

Сергей Неклюдов
(Москва)

ТРАДИЦИЯ КАК ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ: «МЕЧТА ПОЭТА»¹

Существует сеть магазинов «Мечта Поэта», специализирующихся на продаже женской одежды и белья больших размеров. Происхождение этого названия достаточно прозрачно и прямо раскрывается в рекламных текстах:

¹ В статье продолжено рассмотрение литературной (и, шире, культурной) традиции как цепи семантических преобразований ее «сильных» элементов (см.: Неклюдов С. Ю. Традиция как цепная реакция: «парни всей земли» // Топосы философии Наталии Автономовой: К юбилею / Отв. ред.-сост. Б. И. Пружинин, Т. Г. Щедрина: Науч. ред. Т. Г. Щедрина. М.: Полит. энциклопедия, 2015. С. 704–718). Пользуюсь случаем поблагодарить за помощь и консультации В. А. Мильчину, Г. Г. Суперфина, М. С. Неклюдову, Н. Г. Охотина, Г. А. Левинтона. Работа выполнена в рамках НИР «Структуры и механизмы культурной памяти» (Лаборатория теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС).

Мечта поэта. Интернет-магазин <...> одежды и белья для знойных женщин от 50 до 80 размера; виртуальный Салон Мадам Грицацуевой <...> не только для девочек и знойных женщин¹.

Упоминание «знойных женщин» и «Мадам Грицацуевой» указывает на непосредственный источник названия — роман И. Ильфа и Евг. Петрова «Двенадцать стульев» (1927):

«Знойная женщина, — сказал Остап, — мечта поэта. Провинциальная непосредственность. В центре таких субтропиков давно уже нет, но на периферии, на местах — еще встречаются» <...> Вдова Грицацуева (знойная женщина, мечта поэта) возвратилась к своему бакалейному делу...²

Сегодня, однако, фраза Остапа, вошедшая в афористический фонд современной русской речи³, по-видимому, не в меньшей, если не в большей степени отсылает к фильму «Двенадцать стульев» (реж. Л. Гайдай, «Мосфильм», 1971)⁴ с актрисой Н. Л. Крачковской в роли Грицацуевой, экранный образ которой в массовом сознании неотделим от данного литературного персонажа.

Существует предположение⁵, что само это словосочетание попадает в текст Ильфа и Петрова из романса «Нищая» на стихи П.-Ж. Беранже в переводе Д. Т. Ленского (1840):

Сказать ли вам, старушка эта / Как двадцать лет тому жила! / Она была м е ч т о й
п о э т а, / И слава ей веночек плела.

Романс действительно был чрезвычайно популярен, а в 1916 г. экранизирован⁶, причем рассматриваемое поэтическое клише (кстати, не имеющее эквивалента в подлиннике, где нет никакого «поэта»)⁷ явилось сюжетной основой фильма: Поэт, влюбленный в Актрису (= мечтающий о ней), становится главным героем картины; впрочем, слово «мечта» в интертитрах не встречается. Следует добавить, что данный топос присутствовал в русской литературной традиции до перевода Д. Т. Ленского, например, у А. А. Бестужева-Марлинского («Фрегат “Надежда”», 1833) или у М. Ю. Лермонтова («Вадим», 1833—1834), представляя собой достаточно общее понятие, свободное используемое в разных литературных контекстах, — от значения процессуального («поэтическое мечтание») до объектного («предмет поэтических мечтаний» — не обязательно о женщине):

«Это розовая м е ч т а п о э т а; это девственный сон первой любви» [этнографическое описание юных красавиц-турчанок (1843)]; «И наполнял я лучезарный зал / Прекрасными и бледными тенями, / Без крови теплыми и ясными без света, / Как скорбь влюбленных, как м е ч т а п о э т а, / Рожденная весенними ночами...» (К. М. Фофанов. Лунный свет, 1889); «Весь ум — в извивах, все сердце — в воплях... / М е ч т а п о э т а! пою тебе...» (И. Северянин. Коктебель, 1909); «Только творче-

¹ <http://vk.com/poetsdream>; <http://www.mehtapoeta.com/>

² Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Роман / Введ. и комм. Ю. К. Щеглова. М.: Панорама, 1995. С. 191, 346.

³ Душенко К. В. Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997. С. 145.

⁴ Кожевников А. Ю. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино. М.: Олма-Медиа Групп, 2007. С. 130, 549.

⁵ Щеглов Ю. К. Комментарии // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. С. 505—506.

⁶ «Нищая» («Подайте, Христа ради, ей»). Реж. и авт. сценария Я. Протазанов. В гл. ролях И. Мозжухин и Н. Лисенко. Производство т-ва «И. Ермолев», 1916.

⁷ *Béranger (Pierre-Jean de)*. La pauvre femme // *Chansons nouvelles et dernières dédiées à Monsieur Lucien Bonaparte*. Paris: Perrotin, 1833. P. 194—196.

ская мечта поэта прозревает неясно дали незаконченного творения» (Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда, 1909); «Ни величания, ни славы... / Мечта поэта, будь чиста!» (В. Т. Кириллов, 1915); «Сладчайшая мечта поэта — заставить массу уверовать в его образ» (А. Б. Мариенгоф. Имажинизм, 1920)¹.

Отметим, что происходит некоторое снижение понятия — от «девственного сна первой любви» до желания писателя заставить «массу» уверовать в его образ. В конце концов предметным коррелятом романтической «мечты» становятся облигации государственного выигрышного займа, смена мебели и даже дамские туфли:

«Поэзия / любит / в мистика облекаться, / говорить / о вещах / едва касаемо. / Я ж / открыто / агитирую / за покупку облигаций / государственного / выигрышного займа» («Мечта поэта», 1926)²; «Который год мечтаю втихомолку — / Сменить на книжный шкаф простую полку / И сборники стихов переплести. / О, Муза, дерзкую мечту прости! / Маячат деньги, пролетая мимо. / Мечта поэта неосуществима» (1941)³; «невиданная и помолодевшая <...> Елена Сергеевна Булгакова. Ослепительно золотящийся свитер, с непостижимым искусством разглаженная юбка, туфли из серии “мечта поэта”» (1964)⁴.

Таким образом, появление в 1927 г., почти одновременно с агиткой Маяковского, в качестве «мечты поэта» фигуры мадам Грицацуевой вполне закономерно, как закономерно и окончательное закрепление в речевом узусе связи данного поэтического клише с женским образом (именно в объектном смысле — как реальное воплощение «мечты»); в предшествующей традиции эта связь была не столь устойчивой.

Рассмотрим несколько характерных случаев.

- (1) Часу в одиннадцатом ночи весь Олимп спустился на землю. Длинные колесницы понеслись по саду, и, право, блестящие дамы двора, которые их унизывали, подобно ниткам жемчужным, могли издали показаться мечтой поэта, — так блестящи и воздушны были они... не исключая и меня (1833)⁵.
- (2) «Вы грустны сегодня», сказала я ему, видя, что он беспрестанно задумывается. «Не грустен, но зол», отвечал он; «зол на судьбу, зол на людей, а главное зол на вас». — «На меня? чем я провинилась?» — «Тем, что вы губите себя; тем, что вы не цените себя; вы олицетворенная мечта поэта, с пылкой душой, с возвышенным умом, и вы зарзарились светом!» (1834)⁶.
- (3) Мечта поэта и артиста, / Я по ночам в тебя влюблен, / И мой восторг, пускай не чистый, — / Не должен обмануться он (1914)⁷.

¹ По данным «Национального корпуса русского языка» (http://search.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%CC%E5%F7%F2%E0+%CF%E%FD%F2%E0).

² Маяковский В. В. Мечта поэта // Новый ЛЕФ. 1927. № 10. С. 17.

³ Бенкевич М. А. «Который год мечтаю втихомолку...» // Бенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристич. мемуары / Сост., подг. текстов, прим., крат. биохроника С. Е. Зенкевича. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 256.

⁴ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Время, 2007. Т 3: 1963—1966. С. 223.

⁵ Бенкевич М. А. «Который год мечтаю втихомолку...» // Бенкевич (Марлинский) А. А. Испытание: Повести и рассказы / Сост. и прим. А. Л. Осповата. М.: Правда, 1991. С. 370.

⁶ Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой, 1812—1841: Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова. СПб., 1869. С. 145; далее цитаты приводятся по этой публикации (Хвостова Е. А. Записки). См. также: Сушкова (Хвостова) Е. А. Записки, 1812—1841 / Ред., введ. и прим. Ю. Г. Оксман. Л.: Academia, 1928 (= М.: Захаров, 2004).

⁷ Готье Т. Контральто // Гумилев Н. С. Собр. переводов: В 2 т. / Сост. В. Полушин. М.: Терра—Книжный клуб, 2008. Т. 1. С. 33.

- (4) В этой лирической трагедии-сказке, рядом с философией, много фантастики. Старуха Виттиха — что-то вроде колдуньи. Ее внучка, Раутенделейн, с золотистыми волосами, — прекрасное дитя гор, м е ч т а п о э т а, муза художника или скульптора, танцующая под лучами горного солнца или плачущая над ручьем (1924/1926)¹.

Эти фрагменты нуждаются в пояснениях. Изображение роскошного маскарада в Петергофе (первый пример) представлено у Марлинского не как авторское повествование, а как письмо героини, причем дается «внешний взгляд» на «блестящих дам двора», в число которых рассказчица тем не менее включает и себя — хотя и с кокетливой запинкой; видимо, именно поэтому говорится, что «мечтой поэта» они могли только «показаться» и лишь «издали». Это по-своему логично: в принципе, романтическая мечта недостижима — либо как иллюзия, либо как образ, не принадлежащий земному миру (подобно описываемым здесь «блестящим и воздушным» созданиям, словно спускающимся на своих колесницах с Олимпа); интересно, что к юным красавицам-турчанкам — «розовой мечте поэта» (в приведенном выше тексте), тоже невозможно приблизиться². Наконец, поскольку речь у Марлинского идет о письме великосветской дамы, сомнительно, чтобы оно могло быть написано по-русски, и его виртуальный «прототекст» скорее всего мыслится франкоязычным, а это в рамках нашего рассмотрения немаловажно.

Отрывок из мемуаров Е. А. Сушковой (второй пример) содержит пересказ разговора, в котором Лермонтов называет ее, предмет своих ухаживаний, «мечтой поэта»; разыгрывая влюбленного, он вполне сознательно разрушает романтические отношения девушки со своим приятелем (и их возможный брак). Совершает он это в отместку за то, что четыре года назад на любовь его, «неуклюжего, косолапого мальчика лет шестнадцати»³, восемнадцатилетняя красавица не ответила взаимностью⁴. Подобный сценарий откровенно описан им в письме к М. А. Верещагиной («Теперь я не пишу романов — я их делаю»)⁵. По существу же, «делая роман» в жизни, он выстраивает тот сюжет, который через несколько лет получит литературную реализацию, сначала в «Княгине Лиговской», а затем в «Герое нашего времени»⁶.

Описанный эпизод имел место в 1834 г., сразу после произведения двадцатилетнего поэта в офицеры⁷, а сам дневник датируется 1836—1837 гг.⁸ Сушкова заносит в него свои жизненные впечатления, чтобы поделиться с подругой (естественная для того времени культурная мотивация); записывает она среди прочего и разговоры с Лермонтовым. Тем не менее, рассчитывать на точность тут не приходится — как впоследствии замечает сама мемуаристка, правда, по другому поводу, «не помню теперь слово в слово разговор мой с Лермонтовым»⁹, что и понятно: ее vis-à-

¹ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве // Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. М.: Искусство, 1954. Т. I. С. 174—175.

² «Не подходите к самым каретам! Разве вы не видите часовых, эту живую и непроходимую ограду, отделяющую вас от гурий? Вы и так хорошо можете рассмотреть их...» (Свадьба султанской сестры в Константинополе // Памятник искусств и вспомогательных знаний. СПб.: Изд. Фишера, [1843]. Т. II. С. 25).

³ Хвостова Е. А. Записки. С. 78.

⁴ Об истории этих отношений см.: Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 80—121.

⁵ Лермонтов М. Ю. [Письмо к М. А. Верещагиной, весна 1835 г.] // Собр. соч.: В 4 т. Л.: Наука, 1981. Т. 4. С. 390—391, 393—394.

⁶ Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова. С. 115.

⁷ Хвостова Е. А. Записки. С. 78.

⁸ Там же. С. V.

⁹ Там же. С. 136.

vis отнюдь еще не являлся сколько-нибудь заметной фигурой, литературная слава ожидала его только в будущем, правда, недалеко. Однако слова, которые должны были произвести на собеседницу особое впечатление («вы олицетворенная мечта поэта, с пылкой душой, с возвышенным умом»), по-видимому, действительно прозвучали, это косвенно подтверждается тем, что данное выражение есть в лексиконе Лермонтова, современном описываемым событиям, а именно — в незаконченной повести «Вадим» (рассуждение о «мечте поэта» как о прекрасной, но непрочной иллюзии):

...так иногда вечером облака дымные, багряные, лиловые гурьбой собираются на западе, свиваются в столпы огненные, сплетаются в фантастические хороводы, и замок с башнями и зубцами, чудный, как мечта поэта, растет на голубом пространстве... но дунул северный ветер... и разлетелись облака, и упадают росой на бесчувственную землю!..¹

У романтической интриги, которую разыгрывает юный поэт, есть и еще один сценарий, продиктованный его самоотождествлением с Байроном², также пережившем мучительную детскую влюбленность в девушку старше себя, что впоследствии отразилось в его стихотворении «Сон» («Dream», 1816)³, которое получило большую популярность в России и оказало значительное влияние на Лермонтова⁴:

А юноша смотрел лишь на нее. / И оба были юны, но моложе / Был юноша; она была прекрасна / <...> / Но чувств его она не разделяла / И не о нем вздыхала / <...> / Себя принудил он и принял вид / Спокойствия, и тут вновь появилась / Пред ним владычица его любви. / Она спокойно улыбалась, зная, / Что им любима, — ведь любви не скроешь, / И что душа его омрачена / Ее же тенью, и что он несчастен. / Она и это знала, но не все. / Он вежливо и холодно коснулся / Ее руки, и по его лицу / Скользнула тень невыразимых мыслей, — / Мелькнула и пропала в тот же миг⁵.

Вернемся к мемуарам Сушковой. Мы не знаем, на каком языке делались записи в дневнике — скорее всего, по-французски, как и в большинстве дамских дневников того времени. По-французски должны были разговаривать и молодые люди на балу, а значит, выражение «мечта поэта» могло иметь французский оригинал (*le rêve du poète*), который прямо отсылает к французской поэтической традиции⁶, прекрасной известной в России.

Когда спустя почти четверть века Сушкова (Хвостова) перерабатывает свои записки в полноценные мемуары, Лермонтова давно нет на свете, но он — великий

¹ Лермонтов М. Ю. Вадим // Собр. соч. Т. 4. С. 103.

² Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова. С. 91, 93–96.

³ Byron George Gordon. The Prisoner of Chillon and Other Poems. London: John Murray, 1816.

⁴ Гласе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова. С. 96.

⁵ Байрон Дж. Г. Сон // Байрон Дж. Г. Избр. произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1987. Т. I. С. 114–119 (пер. М. Зенкевича); «...but the boy gazed on her; / And both were young, and one was beautiful: / And both were young — yet not alike in youth. / <...> / But she in these fond feelings had no share: / Her sighs were not for him / <...> / And he did calm himself, and fix his brow / Into a kind of quiet: as he paused, / The Lady of his love re-entered there; / She was serene and smiling then, and yet / She knew she was by him beloved; she knew — / For quickly comes such knowledge — that his heart / Was darkened with her shadow, and she saw / That he was wretched, but she saw not all. / He rose, and with a cold and gentle grasp / He took her hand; a moment o'er his face / A tablet of unutterable thoughts / Was traced, and then it faded, as it came...» (Byron G. G. The Dream // The Works of Lord Byron / Ed. by E. H. Coleridge. London: J. Murray; New York: Ch. Scribner's Sons, 1905. Vol. 4: Poetry. P. 33–47).

⁶ См., например: Monneron Frédéric. Le rêve du poète [1835] // Poésies de Frédéric Monneron recueillies par ses amis. Lausanne: G. Bridel, 1852. P. 99–102.

писатель, а потому окончательная редакция дневника уже рассматривается как материалы к его биографии (цель, которая не могла стоять перед «первичным» текстом). Не исключено, что эта переработка предполагает сначала перевод с французского, откуда и немалое количество (остаточных?) галлицизмов¹. Далее возникает нужда в «языке перевода», в частности, для воссоздания «речевого портрета» поэта. Мемуаристка не может не опознать своей собственной истории в центральной коллизии «Княжны Мери», в силу чего Лермонтов и Печорин сливаются для нее в одно лицо: «Многие убедятся, что Печорин и он так схожи, так слиты, что иногда не различишь одного от другого»². Вольно или невольно она использует произведения Лермонтова для передачи его речей, а отчасти и при интерпретации их юношеских отношений — вплоть до текстуальных совпадений между ее записками и «Героем нашего времени»:

«Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если б я носил эполеты...» <...> Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры. <...> «О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки...»³

«Меня только на днях произвели в офицеры», сказал он; «я поспешил похвастаться перед вами моим гусарским мундиром и моими эполетами; они дают мне право танцевать с вами мазурку <...> оттого в юнкерском мундире я избегал случая встречать вас...»⁴

«Мемуарный» Лермонтов в изображении Сушковой не только читает свои стихи, но и временами говорит языком Лермонтова-писателя или языком своих героев. Однако текст «Вадима» с упомянутой в нем «мечтой поэта» был издан уже после ее смерти⁵ и не мог оказать никакого влияния на окончательную редакцию «Записок».

Третий пример — строка из поэмы Теофиля Готье «Контральто» (сборник «Эмали и Камеи», 1852) в переводе Н. С. Гумилева (1914), в данном случае буквально соответствующем оригиналу («Мечта поэта и артиста» — «Rêve de poète et d'artiste»⁶). Обратим, однако, внимание: речь в поэме идет не о женщине, а о выставленном в музее «загадочном изваянии», андрогинный облик которого допускает возможность двух противоположных интерпретаций — «мужской» и «женской».

Наконец, последний фрагмент взят из книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве», впервые опубликованной в тот же период, что и «Мечта поэта» Маяковского и «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Отметим, во-первых, что изданию русскому (1926) предшествует англоязычное (1924), и, во-вторых, что речь здесь идет о театральной постановке, иллюзорной по определению, причем о сказочном сюжете, т. е. о двойной иллюзии. Со сходной ситуацией мы уже сталкивались в русском переводе стихотворения Беранже, рассказывающем о судьбе актрисы (при экранизации эта «театральность» удваивалась: сцена становилась предметом изображения в фильме); не случайно, видимо, что переводчик этого стихотворения, Ленский (Д. Т. Воробьев), был актером и драматургом-комедиографом. Этот «театральный» аспект рассматриваемого клише также надо учитывать.

¹ «...некоторые галлицизмы и вообще обороты речи, которые показывают, что составительница записок зачастую думала по-французски <...> Е. А. воспитана была по великосветским тогдашним образцам, исключительно на французский лад» ([Семевский М. Предисловие от издателя] // *Хвостова Е. А. Записки. С. XIII*).

² *Хвостова Е. А. Записки. С. 2.*

³ *Лермонтов М. Ю. Княжна Мери // Собр. соч. Т. 4. С. 249, 266.*

⁴ *Хвостова Е. А. Записки. С. 134.*

⁵ *Вестник Европы. 1873. Кн. 10. С. 438–557.*

⁶ *Gautier Théophile. Contralto // Gautier Th. Émaux et Camées. Paris: Eugene Didier, 1852. P. 53.*

Центральная для европейского романтизма концепция иллюзорной «поэтической мечты», противопоставленной материальному миру и жизненной прозе (Гофман, Тик, Новалис, Эйхендорф), далекие истоки которой можно усмотреть в аллегорических и сатирических «видениях» античности и средневековья¹, а последующее развитие — в картине мира и поэтике символизма², начинает складываться еще в предромантическую эпоху (вспомним Купера³ или Руссо⁴) и в дальнейшем получает самые разные литературные трактовки — от грезы, воплощаемой художником на картине («Элегические строфы...» Вордсворта, 1805)⁵ до концепции «мечты поэта» в мироощущении Шелли («Аластор, или Дух одиночества», 1815)⁶, которая противопоставлена видимому миру и создает «формы более реальные, чем сама жизнь, / ростки [подлинного] бессмертия»⁷.

Из литературного обихода поэтическое клише «мечта поэта» проникает в разнообразные речевые практики, используя в театральной критике⁸, в теме музыкальных произведений⁹, в названии кинофильмов¹⁰, художественных выставок¹¹ и т. д. В основном, оно обозначает знание, которое обусловлено особым состоянием души — в противоположность рациональному расчету¹²:

¹ *Wilpert G. von. Sprachwörterbuch der Literatur. Stuttgart: Albert Kroener Verlag, 1989. S. 965–966. (Traumdichtung).*

² Ср.: «Во всей этой книжке [«Стихи о Прекрасной Даме» Блока] вы, кажется, ни разу не натолкнетесь на плотские, земные мечты. Кажется, один помysel о земной близости, об обладании — привел бы в ужас поэта. <...> Его мечта о ней туманна и расплывчата. <...> Она появляется и исчезает, как дух. Она подобна звезде, вдруг загоревшейся в небе и вдруг погасшей» (*Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. М.: Изд-во т-ва И. Д. Сытина, 1913. С. 57–70 [разд. II и IV]).*

³ *Cowper [W.]. Golden Age: A Poet's dream // Beauties of the British Poets. New York: J. S. Anderson, 1827. P. 85.*

⁴ *Rousseau J.-J. Les Rêveries du promeneur solitaire [1772–1778]. Genève: [S. n.], 1782. (Les confession de J. J. Rousseau; T. 2).*

⁵ «The consecration, and Poet's dream...» (*Wordsworth W. Poems, in Two Volumes. London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, 1807. Т. II. P. 142*). «И если бы художником я был, / Я б написать в то время был готов / Свет, что по суше и воде скользил, / Поэта грезу, таинство миров» (*Вордсворт У. Элегические строфы, внушенные картиной сэра Джорджа Бомонта, изображающей Пилский замок во время шторма / Пер. В. Рогова // Поэзия английского романтизма XIX века. М.: Худож. лит., 1975. С. 330. (Б-ка всемир. лит.; Т. 125)).*

⁶ *Shelley P. B. Alastor, or The Spirit of Solitude, and other Poems London: Printed for Baldwin, Cradock, and Joy; and Carpenter and Son, by S. Hamilton, Weybridge, Surrey, 1816. P. 4–7 (V. 51–91); O'Neill M., Howe T., Callaghan M. The Oxford Handbook of Percy Bysshe Shelley. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 364.*

⁷ *Shelley P. B. The Poet's Dream // The Golden Treasury / Ed. by Francis T. Palgrave. London: Macmillan, 1875. № CCLXXVII.*

⁸ Например: «...heureuse circonstance pour l'Académie royale de musique, qui aussitôt a trouvé des décorations, des costumes, des acteurs inspirés pour réaliser le rêve du poète...» (*La Presse. 1845. 28.VII. № 3378*); «Et par ces drames et par ces épopées et par ces féeries adorables vous réaliserez le rêve du poète "Créer tout au théâtre, un théâtre vaste et simple, un et varié, national par l'histoire, populaire par la vérité, humain, naturel, universel par la passion..."» (*La Presse. 1897. 6.XII. № 2018*); *Spiegel Simon. Des Dichters Traum vom Landleben // Magazin. 2011. 21. Juli (в данном случае речь идет о Клейстре).*

⁹ *Альфред Яель. «Мечта поэта»: Ноктюрн для фортепьяно, Op. 34 (1854).*

¹⁰ «Des Dichters Traum»: Produktionsfirma «Universum-Film AG (Ufa)». Berlin, 1926.

¹¹ *Fuhlbrügge Heike. Galerie-Ausstellung «Traum des Dichters» // Der Tagesspiegel. Mittwoch, 14.*

¹² «C'est ainsi, concluait le directeur de l'assistance publique, que les œuvres protectrices de l'enfance ont pour elles a la fois les calculs de l'économiste et les rêves du poète» (*La Presse. 1892. 1.XII. № 194*).

Видя дату этого стихотворения, все, как и мы, поразятся роковому предчувствию того, что [еще] предстоит. Мечта поэта предвещает грядущие бури, как и практические расчеты публициста...¹

В сходном смысле употребляет данное выражение и А. С. Пушкин («Герой», 1830), когда пишет о разоблачении легенды, согласно которой Наполеон посещал в Яффе чумной госпиталь:

Небесами / Клянусь: кто жизнью своей / Играл пред сумрачным недугом, / Чтоб ободрить угасший взор, / Клянусь, тот будет небу другом, / Каков бы ни был приговор / Земли слепой... (Друз!) Мечты поэта — / Историк строгий / Он ит в ас! / Увы! его раздался глас, — / И где ж очарованье света!²

Следует напомнить, что французское *rêve* (как и англ. *dream*, нем. *Traum*) значит не только 'мечта, греза', но также 'сновидение, сон', и, хотя в сочетании «мечта поэта» данная семантическая составляющая отходит на второй план, образы «мечты» бывают прямо ассоциированы со сновидением; не случайно у Шелли «мечта поэта» изначально связана со сном³, а у Готье речь идет именно о н о ч н ы х фантазиях: «Я по ночам в тебя влюблен» (*Tu m'as bien des nuits occupé* 'ты овладеваешь мною ночами')⁴. Вероятно, следуя этому направлению романтической фантазии, К. Н. Батюшков называет «сладостну мечту», располагающуюся в центре его поэтической системы, «дщерью ночи молчаливой»⁵, а в стихотворении «Тень друга» рассказывает, как к нему, задремавшему на палубе («ветров шум и моря колыханье на вежды томное забвенья навели») и предавшемуся мечтаниям («мечты сменялися мечтами»), является призрак погибшего друга («то был ли сон?»), но исчезает при пробуждении (когда «сон покинул очи») ⁶. Появление «призрака» здесь показательно — семантика русского слова *мечта* раньше включало и значение 'видение, призрак' (возможно, одно из исходных⁷); оно сохранялось еще в первой половине XIX в., во всяком случае, в диалектной лексике⁸.

В русский язык выражение «мечта поэта» попадает как непосредственно из еввропейской романтической поэзии, так и через французскую речь образованного сословия России, однако здесь данный топос претерпевает ряд специфических трансформаций, поскольку семантика русского слова «мечта» (в отличие от французского, немецкого и английского) не включает ни «сна», ни «сновидения», она вообще скорее объект, чем процесс (хотя в какой-то степени и то, и другое). Отсюда,

¹ «En voyant la date de cette poésie, tout le monde y sera frappé, comme nous, d'une manière de presentiment fatal des choses qui allaient s'accomplir. Le rêve du poète, comme les calculs positifs du publiciste, annonçaient un lointain orage...» (*Hugo V. Réverie d'un passant à propos d'un roi // Revue de Paris*. [Paris: Au Bureau de la Revue de Paris], 1831. Т. 27. Р. 154 [commentaire]).

² Пушкин А. С. Герой // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2: Стихотворения, 1823–1836. С. 320–321, 725 (коммент.).

³ «On a Poet's lips I slept, / Dreaming like a love-adept / In the sound his breathing kept» (*Shelley P. B. The Poet's Dream // The Golden Treasury*. № CCLXXVII).

⁴ Ср.: «...c'est, le rêve du poète des Nuits dans un cadre romantique ainsi qu'il convenait...» (*La Presse*. 1907. 4.X. № 5597).

⁵ Батюшков К. Н. Мечта [1802 / 1803] // Батюшков К. Н. Сочинения / Вступ. ст. Л. А. Озерова; Подг. текста и прим. Н. В. Фридмана. М.: ГИХЛ, 1955. С. 41.

⁶ Батюшков К. Н. Тень друга [1814] // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / Изд. подг. И. М. Семенко. М.: Наука, 1977. С. 222–223. (Лит. памятники).

⁷ По Фасмеру, связано с идеей 'мерцания, сверкания' (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1967. Т. II. С. 614).

⁸ «Мечта вообще всякая картина воображения и игра мысли; пустая, несбыточная выдумка; призрак, видение, мара» (*Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Рус. язык, 1989. Т. 2. С. 324).

вероятно, и особенности русской версии «мечты поэта», которая обычно не порождается сном и не разрушается пробуждением (см. все приведенные выше случаи); романтическую «мечту» Батюшкова в этом плане следует считать скорее исключением, объяснимым особенно сильным западноевропейским влиянием¹.

Если сбывающееся сновидение — всего лишь реализация предсказания будущего, но никак не само будущее, то *мечта* может осуществиться буквально, стать реальностью. Это, кстати, совпадает с вектором развития советской культуры — как в «высоком», так и в «низком» ее регистрах; ср., в частности, ставшую «прецедентным текстом»² строчку из «Марша авиаторов» П. Д. Германа и Ю. А. Хайта: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» (1923).

Соответственно, эволюция данного поэтического клише, неизбежно ведущая к снижению изначально высокого романтического замысла, не только способствует воплощению в материальных формах ранее недостижимого (~ иллюзорного) и подставляет на место цели мечтаний вполне «земные» вещи, но и практически приближает «мечтателя» к предмету его мечты, который, таким образом, становится доступен и для прямого физического обладания. Это «практическое овладение» получает неустранимо иронический оттенок, когда его объектом оказываются облигации государственного займа, мебель, дамские туфли и особенно «вдова Грицацуева» — в качестве невесты и жены героя. Именно в данной точке «мечта поэта» прочно соединяется с представлением о женской полноте, грузности, вообще «телесности»:

Природа одарила ее щедро. Тут было все: арбузные груди, нос — обухом, расписные щеки и мощный затылок³.

Несомненна зависимость последующих использований данного выражения от навязанных Ильфом и Петровым ассоциаций:

«А тем не менее здорово прибавила. Сколько ты тянешь? Килограммов семьдесят?» — «Зачем уточнять?» — «А была хрупкая девушка, мечта поэта». — «Хрупкой никогда не была. Была тонкая, но плотная»⁴.

Мечта Поэта наделена была особым самородным искусством. <...> Без ступка, хозяйски вошла Она. Мечта Поэта. Грузная, хотя и статная крашенная блондинка с лицом озабоченного управленца. Какие там «тесные бедра»! Тесной, скорее, была юбка, упаковавшая «двести фунтов золотого мяса», коими обладала героиня из «Улялаевщины»⁵.

Это — регистр «высокой» (во всяком случае, профессиональной) литературы. В «массовой» культуре версий того же образа является «знойная женщина», которой требуются одежда и белье больших размеров (вплоть до 80-го размера). При презентации своих фоторепортажей подобное клише использует российская желтая пресса, например: «Мечта поэта. Серена Уильямс на пляже» или «Мечта поэта. Анфиса Чехова показала фото в купальнике»⁶, в которых на первый план выдвигается идея максимального приближения к «потребителю» практически недостижимого

¹ Семенко И. М. Примечания // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. С. 549.

² Душенко К. В. Словарь современных цитат. С. 86.

³ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. С. 213.

⁴ Катаев В. П. Трава забвения // Новый мир. 1967. № 3. С. 82.

⁵ Шергова Г. М. Мечта Поэта (Илья Сельвинский) // Об известных всем. М.: Аст: Астрель, 2004 (цит. по: <http://teksty-pes.ru/ob-izvestnyx-vsem/28/>). «Улялаевщина» — поэма И. Л. Сельвинского (1927).

⁶ Сайт публикаций и новостей Woman.ru (www.woman.ru/beauty/body/article/139639/?startLeaflet=1); ЛЕДИ Online журнал (vk.com/page-80005386_49563012).

для него образа (при том что могут сохраняться и прочие коннотации, обусловленные предшествующими контекстами). Наконец, появляется реклама кулинарных рецептов десерта (крема, салата) «Мечта поэта»¹ и даже племенного собачьего питомника².

Данный пример позволяет проследить, как культурная традиция выстраивает трансмиссионные цепочки своих семиотически «сильных» элементов. Рассмотренный элемент, весьма устойчивый и имеющий простейшую морфологическую структуру, существует лишь в составе «больших» текстов, причем свободно переходит от одного текста к другому, корректируя свое функционально-семантическое амплуа, но сохраняя относительную независимость от формы «текста-носителя». Потенций текстопорождающей модели он не содержит, однако удерживает семантическую память об исходной идее, что обеспечивается постоянной отсылкой к первому звену «цепочки» (в том числе пародийной отсылкой), хотя нарастающая удаленность от него все-таки постепенно ослабляет изначально заданную связь.

Андрей Немзер
(Москва)

ФЕТ КОНСПЕКТИРУЮЩИЙ

Стихотворение А. А. Фета «Шепот, робкое дыханье...» (1850, 1856) безусловно относится к малому числу по-настоящему широко известных, многократно истолкованных (начиная с противоречивых суждений и ернических перепевов современников) и обстоятельно изученных созданий великого поэта. После появления статьи «Фет безглагольный: Композиция пространства, чувства и слова»¹ всякая попытка анализа и интерпретации этой миниатюры (равно как и трех других, разобранных в той же статье, — «Чудная картина...» (1841), «Это утро, радость эта...» (1881?), «Только в мире и есть, что тенистый...» (1883)) представляется делом сколь безответственным, столь и безнадежным. Правда, сам М. Л. Гаспаров в той же статье замечал: «Весь наш разбор — это не литературоведческое исследование, а только схема его, попытка дать себе отчет во впечатлении, которое производит чтение четырех очень известных стихотворений Фета: чем оно вызывается? Именно с такой попытки самоотчета начинается каждое литературоведческое исследование, но отнюдь не кончается ею»², однако в словах его, кажется, больше грустной иронии, чем доверия к возможным незадачливым «продолжателям». Несколько преодолеть смущение помогает прецедент — весьма содержательная работа о другом разобранном в статье М. Л. Гаспарова тексте³.

¹ Десерт «Мечта поэта» (<http://emushop.ru/index.php/deserti/69-deserty/213-desert-mechta-poeta>, www.tastyhealth.ru/desert_mechta_pojeta.html, hozain.info/index.php?id=140, leva.by/ru/clients/receipt/id1), крем «Мечта поэта» (fotorecepty.ru > Десерт), салат «Мечта поэта» (www.tortissimo.ru/opisanie-nachinok-tortov/mechta-pojeta.html) и т. д.

² Питомник «Мечта поэта» основан в 1997 г.; главное направление деятельности в настоящее время — племенная работа с породой Ирландский мягкошерстный пшеничный терьер (<http://mechta-poeta.ru/>).

¹ Гаспаров М. Л. Фет безглагольный // Ново-Басманная, 19. М.: Худож. лит., 1990. С. 515–529.

² Гаспаров М. Л. Ясные стихи и «темные» стихи: Анализ и интерпретация. М.: ФОРТУНА ЭЛ, 2015. С. 66.

³ Грибанов Александр. «Картина» Фета // Шиповник: Ист.-филол. сб. к 60-летию Романа Давидовича Тименчика. М.: Водолей Publishers, 2005. С. 78–81.